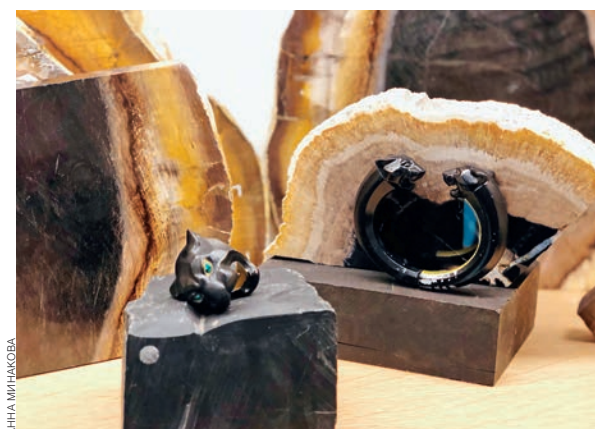

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА УМЕЛОГО ЭКСПОЗИЦИЯ НОМО FABER В ВЕНЕЦИИ АННА МИНАКОВА

— Роспись фарфора
Nymphenburg

— На стенде Cartier

— Работа
Мартина Фроста

С 14 по 30 сентября в Венеции в Fondazione Cini проходила выставка Homo Faber. Заняла она чуть ли не весь остров Сан-Джорджо-Маджоре. Для разных частей экспозиции — а всего их было пятнадцать — забрали добрую половину помещений фонда, одну даже поместили в построенном тут в середине прошлого века бассейне. Размах чувствовался не только в этом. Находясь в эти дни в Венеции, просто невозможно было не заметить, что здесь проходит Homo Faber: реклама на зданиях, обращенных фасадом к Гранд-каналу, и на водных маршрутных такси — вапоретто — не давала пройти мимо.

Кто же такой этот homo faber, что по-русски звучало бы как «человек творческий»? По мнению организаторов, то есть основанного группой Richemont Фонда Микеланджело, это тот, кто владеет редкими ремеслами, специалист по прикладному искусству. Как считает куратор огромной экспозиции (чтобы обойти все, нужен был день) Альберто Кавалли, «самой большой угрозой художественным ремеслам является не технический прогресс, а невежество», а потому с ним и надо прежде всего бороться, рассказывая публике о редких декоративных техниках и подчас умирающих профессиях.

Рассказ получился подобным энциклопедии. Затронуть попытались все аспекты темы, а географически — охватить всю Европу.

Экспозиция даже не ограничилась территорией Fondazione Cini — к причалу пришвартовали 22-метровый кеч Eilean, построенный в 1936 году легендарным конструктором лодок Уильямом Файфом III (именно яхты семейного предприятия Файфов считаются лучшими классическими образцами). Лодку привезли как пример реставрационной работы, осуществленной в нулевых, сейчас она принадлежит одному из брендов группы Richemont — Panerai. И конечно, этот итальянский часовой бренд стал не единственной маркой группы Richemont в экспозиции. Привезли всех, у кого есть ремесла, которыми можно похвастаться. Так, в Cartier демонстрировали чудеса гильотины. Главный специалист по ней в мастерских Cartier на рю де ла Пэ Филипп Николя провел для меня экскурсию — он говорил не только о тонкостях работы с камнем, но и о других сложностях профессии. В Cartier Николя меньше десяти лет, до этого сотрудничал с разными марками, но потом столкнулся с тем, что знания ему передавать решительно некому и его ремесло просто умирает. Тогда он и предложил сотрудничество Cartier с условием: он сможет взять учеников. Ученица сидела рядом с ним и на стенде Homo Faber, где было оборудовано два верстака — здесь можно было не только узнать, но и увидеть вживую, как создаются украшения в технике гильотины. Мастера работали и на многих других стендах павильона Discovery & Rediscovery — того, где находился Cartier. Ювелиры Van Cleef & Arpels оправляли камни в фирменной технике «невидимой закрепки», часовщики Jaeger-LeCoultre собирали самый маленький в мире механизм «Калибр 101», в Montblanc делали перья для ручек, в Hermes полировали седла, в Smythson ставили штампы золотой фольгой на ежедневники при помощи старинного станка... Чего вообще только не было в этом павильоне: пряли, ткали, гравировали стекло, расписывали фарфоровые черепа и делали ручки ножей из рога буйвола. На стенде флорентий-

— AquaFlor

ской AquaFlor прямо при тебе создавали духи, причем подбирали аромат по вкусу зрителя. Мы, например, выразили любовь к цитрусовым нотам и запаху кожи (причем такой, как в автомобильном гараже). Парфюмер ничуть не удивился. «И немного имбиря», — сказал он, завершая наш аромат. Получилось что-то феерическое.

Самое большое пространство в разделе Discovery & Rediscovery заняла ныне принадлежащая Chanel мастерская вышивки Lesage (бренды Richemont хоть и присутствовали на выставке, но над другими участниками не главенствовали — что очень грамотно со стороны организаторов). На стенде несколько мастериц вышивали карту Венеции, а на втором этаже павильона устроили выставку самых интересных техник вышивки из тех, которыми они владеют.

Discovery & Rediscovery был одним из нескольких «интерактивных» павильонов. Схожим образом был устроен раздел, посвященный реставрации, в других павильонах мастера или не присутствовали вовсе, или их было совсем мало. Одна из частей выставки получила название Best of Europe, там решили показать одновременно чуть ли не все самое интересное, созданное ремесленниками Европы. Экспозицию, где было представлено огромное количество изделий из стекла, керамики, дерева, дополнили несколькими столами мастеров, правда, не рабочими, а демонстрационными. Хоть увидеть ремесленников за работой было и нельзя, посмотреть на их произведения и поговорить с ними оказалось очень познавательно. В «Лучшем со всей Европы» был, например, художник по боковым обрезах книг Мартин Фрост из пригорода Лондона. Мартин создает на обрезах книг великолепные миниатюры (все рисуется вручную), которые видны под определенным углом. Он едва ли не последний представитель исчезающей профессии. Проблема даже не в учениках — они есть, — а в спросе. Мало кто украшает в такой сложной технике современные подарочные издания. И очень, кстати, зря — выглядит появление картинки на обресе как настоящее волшебство.

Среди интересных «статичных» экспозиций на Homo Faber были посвященная исследованию формы выставка ваз, а также «Двойная подпись» (художника и исполнителя), напоминающая, что ремесленник причастен к работе не меньше, чем дизайнер, и никогда не надо забывать имя мастера. Самой красивой и одновременно самой спорной частью выставки оказалась та, что была посвящена моде. В бассейне Fondazione Cini создали невероятной красоты инсталляцию с помостами и манекенами. Но вот сама суть происходящего в контексте темы ремесел раскрыта была плохо. То ли организаторам не надо было замахиваться на столь большую и сложную в экспозиции тему, как ремесла и мода, то ли надо было сосредоточиться на haute couture и самых значимых métiers d'art. Но это в сравнении с масштабом Homo Faber мелочи. Работа была проделана огромная, ремесленников отыскивали самых виртуозных, ремесла представляли редкие и редчайшие. Перед открытием Альберто, волнуясь, сказал мне: «Если понравится, я буду очень рад. Если не понравится — ну, я просто не мог сделать лучше, я отдал этой выставке все». И самоотверженная кураторская работа здесь ощущалась чуть ли не как еще одно редкое ремесло.